

ВСЕЛЕННАЯ АМИРА

АЛЕКСАНДРА НОВАЛЬСКАЯ
Востоковед-афганист
и журналист. Была в Афгани-
стане пять раз, последняя
командировка — в качестве
внештатного корреспондента
ТАСС. Рассказ написан
в декабре 2021 года в талиб-
ском Набуле.

Пусть только маленький выродок прибежит еще раз, думает Амир, сидя на крыше с ведром горячей воды. Над Пешаваром сияет раскаленное добела солнце, обжигая даже сквозь рубашку, а на самой крыше можно печь хлеб. Аллах, ну и лето. Даже ночью, когда спишь на крыше под сеткой от комаров, в стоячем воздухе ни намек на прохладу, а днем и вовсе чувствуешь себя, как сказано в Коране, «среди горячего ветра и кипятка». Пот заливает глаза и течет по спине, но Амир терпит и не покидает свой пост.

...Все они умерли, все. И родители, и брат, и его жена, и их дети — трое. Всех забрал прошлый год. И Антуан тоже умер. Да как он смел умирать?

Началось с матери. Она давно прихварывала, но к врачу идти отказывалась. Она всегда была такая: все другим, все старания другим, а себе — ни минуты. Худая и проворная, не в пример грузному мужу и обоим сыновьям, она даже дома покрывала голову платком, вставала первой, ложилась последней — впрочем, сколько их в Афганистане, таких матерей? Еще и находила время читать: то с «Шахнаме» сядет под вечер, то с газетой. И всегда хвалила его, Амира, своего младшенького, даже когда кабульская родня пренебрежительно фыркала: что, мол, за занятия для мужчины — рисовать жуков и цветы и быть у иностранцев на побегушках? А мать только одобритительно трепала его по щеке, будто борода-

тый увалень шести футов ростом до сих пор был ее любимцем.

...Оказалось, рак. И сделать уже ничего нельзя было, поздно.

А через месяц после ее похорон отец взял и не проснулся. Не так уж они с матерью были дружны: никаких разговоров о любви, ничего такого, отец ни разу ни одной тарелки не вымыл, чтобы помочь жене. Но они пробыли вместе без малого сорок лет, родили семерых детей и пятерых похоронили. Отец сначала сделался ворчлив и зол, даже внуков гонял от себя, чтоб не теребили его и зря не шумели, а потом, наоборот, как-то притих и стал отказываться от еды. Или сядет с Кораном в руках, но не читает, а просто на страницы смотрит и вздыхает. И так целый день.

Амир думает: отец с матерью сплелись корнями, как два дерева, и когда Азраил забрал душу матери, то подорвал отцовские корни тоже. И люди, и растения привязаны к этому миру корнями, а не будет корней — не будет и тебя.

Амир смотрит вниз. Затемненная улица напоминает ущелье — ущелье Танги-е-Абришом. Там погиб один его кузен — нанялся в охранники к важному человеку, и важный человек ездил в бронированной машине, а кузен с другими охранниками — в открытом джипе впереди него. В том ущелье их обстреляли талибы, и кузен погиб первым. Смерть, смерть,

всюду смерть. В прошлом году смертью пахло от стоячих джелалабадских болот и от апельсинов, что падали и гнили на земле. Кот разорил гнездо в саду, и Амир принес домой окоченевшую птицу с тонким окровавленным горлом и нарисовал ее. Он читал, что это называется «мертвая натура». Верно, мертвая. Интересно, сумела ли вторая птица выкормить птенцов или они тоже умерли?

Временами Амира душит ненависть. От нее вкус железа во рту, от нее трудно дышать, и она стремится вырваться наружу, разорвав кости и сухожилия. Он бьет кулаками по стене, разбивая костяшки пальцев и штукатурку, чтобы не кричать. Но дальняя родня, в доме которой он нашел пристанище, говорит, что он все равно кричит ночами. Они жалеют его – и вместе с тем боятся, считая бесноватым. Амир не ест с ними за одним столом и почти не разговаривает. Большую часть времени он сидит взаперти у себя в комнате. На улицу он сам ходить боится: ненависть требует выхода, и Амир часто ввязывается в драки. На днях он избил двух парней, потому что ему показалось, что они смеются над ним. Что ж, сами виноваты.

Может, он и правда бесноватый? Вчера купил у торговца стакан мангового сока и вдруг вспомнил, как пил его в детстве вместе с братом. Амир не знает, что было написано у него на лице, но торговец отшатнулся, а стакан треснул и раскрошился в Амировом кулаке, и на землю закапал манговый сок вперемешку с кровью. Если столько вынести, то немудрено сойти с ума. Человек тверже камня и нежнее розы, говорит пословица, но камень ведь тоже ломается.

...А ведь как брат уговаривал его пойти на свадьбу вместе! И невестка уговаривала, и старшие племянники теребили – пойдем с нами, какá, пойдем с нами! Но Амир тогда уперся – нет, и все. Наврал, что ему нездоровится, – на самом деле он хотел попробовать новые краски, и чтоб никто не мешал. А на свадьбе случился взрыв, а потом стрельба. Брат, невестка и племянники вернулись домой в саванах. Амир продал опустевший дом и перебрался на ту сторону границы, из Джелалабада в Пешавар. Дорогу он не помнил. У родственников он сразу свалился без памяти и болел два месяца – думали, и он не выживет. А он выжил, только борода и волосы стали у него совсем седые в неполные сорок лет.

А вот и он, этот выродок, проклятый соседский парнишка. Открыл дверь, повертел головой – никого, и крадется по улице в сторону дома, где живет Амир. Дети в квартале все как один звереныши – дразнят его издали, зовут сумасшедшим, а иногда и похуже, и швыряют камни. Ничего удивитель-

ного, его вид сейчас многих пугает – он неделями не меняет одежду, клочковатая борода отросла до середины груди. Паскудники прекрасно знают, что этот седой человек разорвал бы их на клочки безо всякой жалости, если бы ему удалось их поймать, и потому издеваются над ним еще злее. Этот, сын соседей, хуже всех – повадился выбирать время, когда Амир бывает один дома, и стучать в дверь. Сначала Амир терпит, старается не обращать внимания – в эти дни он работает над портретом Антуана, срисовывает со старой фотографии, – но от стука у него начинает болеть голова. Выродок издевается – барабанит костяшками на двери разные мелодии, то потише стучит, то погромче. А когда Амир срывается с места, мальчишка убегает к себе домой, да еще хохочет и визжит по дороге. Ну ничего, посмотрим, кто сейчас будет смеяться.

Вот он боком подходит к двери, стучит и отпрыгивает в сторону, готовясь убежать. Амир сидит тихо, хотя ему уже невыносимо хочется пить и губы от жары так спеклись, что не разлепятся. И только услышав стук в третий раз, он поднимается на ноги, опрокидывает ведро и с удовольствием слушает вопли, доносящиеся снизу. Нет, ожогов не будет, не настолько вода горячая, но попасть под такой душ, когда термометр показывает сорок градусов в тени, никому не посоветуешь. Змееныш получил по заслугам и бежит по улице, громко вой от возмущения. Небось теперь пропадет охота стучаться в чужие дома! Амир спускается на первый этаж, чувствуя себя отомщенным и почти спокойным. Теперь можно вернуться к портрету.

...Да, много их было, этих корреспондентов-иностранцев, много. Одни шумные и нахальные, гордые своей смелостью – вот, мол, мы не только едем работать в Афганистан, но и суемся в Нангархар, одну из самых опасных провинций! – другие дружелюбные, открытые, третьи смотрели на Амира так, будто он им чуть ли не слуга, четвертые боялись каждого громкого звука и лишней раз не выходили из гостиницы. Тем не менее он помогал им всем и делал свою работу хорошо: был и переводчиком, и водителем, и проводником в лагерь беженцев или на опасные участки фронта, да и с интервью мог помочь, если вдруг кому-то была охота поговорить с местными политиками и командирами. Потом он узнал, что его работа называлась словом «фиксер». Иностранцы, даже निकудышные, давали ему деньги и знания. Денег хватало на то, чтобы родители жили безбедно, а брат мог наконец жениться. Как пользоваться знаниями, Амир не всегда понимал, но не уставал удивляться тому, какой удивительный мир сотворил Аллах.

лованный и любимый и пока не знающий, что на свете бывают разные люди. Для таких есть подходящее словечко – «назданá», неженка. И кожа у него такая светлая, поди ж ты, будто его взаперти держат, – те сорванцы, что играют на улице, к осени загорают до черноты.

Мальчик дурачится – наклоняет голову то к одному плечу, то к другому, и волосы, волнистые и давно не стриженные, падают ему на глаза. Он протягивает руки, и Амир осторожно опускает мяч в маленькие ладони.

- Спасибо, – говорит мальчик.
- Не за что, сынок. Как тебя зовут?

Вместо ответа ребенок хватается седого человека в давно не стиранной одежде за руку и тянет за собой.

- Куда ты меня ведешь?

На скамье под деревом сидит молодая женщина – должно быть, она все это время наблюдала за ними. Она такая же светлокочая, как и мальчик, а переброшенная через плечо коса отливает медью. Мать или, может быть, сестра. Интересно, откуда они? Амир знал одну семью из Кандагара, из племени тухи – у них и вовсе рождались дети с голубыми глазами и волосами белыми, как хлопок, да и тут, вдоль границы, бледная кожа вовсе не редкость. А все-таки чудно, что она сидит тут одна, да еще с непокрытой головой. Не совсем одна, конечно, но мальчишке на вид года три – какой из него защитник? Он бросается к женщине, показывает ей мяч и что-то лопочет, а потом садится прямо на землю и обнимает ее колени.

- Это твоя мама, сынок? – спрашивает Амир.

Нельзя ведь обратиться к этой незнакомке – грех, ведь она ему не родственница. Иногда в Джелалабад приезжали западные журналистки, которым в одиночку шататься по миру ничего не стоит, но с ними, к счастью, всегда был кто-то еще, а их самих Амир старался не замечать. А они иногда еще и протягивали ему руки для приветствия, бесстыдницы, и приходилось эти руки пожимать, потому что мать его учила: не обижай никого; можно разрушить даже храм, а сердце человека разрушать нельзя. И откуда этим журналисткам было знать, что настоящий пуштун вообще не должен даже смотреть в сторону женщины, если она не из его дома? Они слишком глупы, чтобы понять такое.

- Извините, мой сын не говорит на пушту, – отвечает женщина.
- А вы говорите? – спрашивает Амир и тут же прикусывает язык, застыдившись.
- Я да, немного.

Амир оглядывается – не смотрит ли на них кто-нибудь? Нет, сквер с пожухшей травой пуст, только вдоль железной ограды снаружи несутся машины. В Амуре пробуждается любопытство – почти как в те незапамятные времена, когда он расспрашивал Антуана о Париже. Слабое, давно забытое любопытство – так под слоем пепла в костре теплятся невидимые угольки.

- Откуда вы? – спрашивает он уже по-английски.

Челюсти как будто заржавели, а язык во рту еле ворочается, привыкая к чужой речи.

- С севера. – Незнакомка скупа на слова.
- А здесь у вас родня? – допытывается Амир, удивляясь сам себе.
- Муж, – отвечает она.
- Вы ведь афганка?
- Наполовину точно афганка.

Амир доволен своей проникательностью. Должно быть, собеседница его выросла где-нибудь в Англии или Америке, вот почему ей английский более родной, чем пушту. Много их таких, которые забыли родину, носят их по свету, как сухую листву. Но ничего, когда-нибудь все, кто бежал из Афганистана, поймут, что они потеряли, – все афганцы накрепко привязаны к своей земле, если оторвать их от нее, останется рана и всегда будет кровоточить.

Мальчик вскарабкивается на скамью и обнимает мать за шею. Надо же, сходства между ними нет ни капли. Амир-художник мигом замечает, что местный наряд слишком ярок для этого бледного лица с веснушками. И это лицо чем-то смутно его тревожит. Видел ли он его раньше? Где? Когда? Она не кажется ему красивой, вовсе нет. Даже сейчас, когда она сидит, видно, что она высокая, почти как мужчина, и худая. Вот жена брата, Зари, была красавица – пышная, как свежий хлеб, смешливая, а волосы... Волосы у нее были кудрявые, спадали почти до колен, и она часто жаловалась, что голове тяжело. Амир изо всех сил, до крови, кусает губу, чтобы не думать.

- Я не видела мужа четыре года, – говорит вдруг женщина. – Четыре года, которые мне никто не вернет, и я пожалею об этих годах в старости. Когда нас разлучили, тоже был август, и я чуть не заплакала глаза. Если бы я знала тогда... Да я бы пошла к нему босая на край света. Он снился мне каждую ночь – будто я ищу его в пустом доме и не могу найти или хожу по улицам, и спрашиваю прохожих, и знаю, что он где-то близко, но не могу до него добраться. Тогда я поняла, что однажды вернусь, потому что потеряла свое сердце в кабульских горах. Я вернусь искать его, и пусть все горит огнем.

Амир смущен – незнакомка обращается не к нему, а к себе самой. Но у нее под кожей будто разливается какой-то свет, и тонкое лицо хорошеет. Мальчик гладит мать по щекам и что-то болтает – на каком языке, не понять, но уж точно это не пушту, не урду и не английский, да и вообще ни на один из известных Амиру языков это не похоже. Где он видел ее раньше? А может, и не видел вовсе?

- Я думала, он для меня все равно что мертв, – говорит женщина. – Но он пришел. Я пряталась от него три года, тосковала, но верила тому, что мне о нем наговорили. Он простил мне это. Я, может быть, на его месте не простила бы.
- Чем занимается ваш муж? – спрашивает Амир. «Может быть, меня просто сморило на солнце, – думает он, – и мне все это снится, а во сне можно делать что угодно, и ничего тебе не будет».
- Он журналист. Ездит на фронт, беседует с людьми в деревнях – говорит, у них нет голоса, и он хочет говорить за них.

«Я тоже работал с журналистами», – хочет сказать Амир, но не произносит этого вслух. Он вспоминает запах чернил авторучки, которой Антуан делал пометки в блокноте, снимки солдат на мерцающем экране фотоаппарата, беженцев в палатках, бессонные ночи на военной базе в Ачине и рассветы над горами, себя, шагающего по пыльной дороге к пакистанской границе, взрыв в Джелалабаде, в котором он чудом уцелел, – всю эту жизнь, яркую и безжалостную, которой он принадлежал когда-то.

А эта женщина, явившаяся из ниоткуда в жаркий полдень? Амир трет лоб ладонью, пытаясь собрать осколки ее истории: она бежала от мужа, которого оклеветали, бежала, видать, из Кабула. Где такое видано? Что за муж, который простил жене такой позор? Нет, это слишком мудрено, будто персидские стихи, которые он силился понять в детстве и не мог – вроде бы гладко, да слишком много незнакомых слов. Да и не его это дело вовсе.

- Наш дом в Кабуле, – говорит она, будто разгадав мысли Амира, – на улице Дар-уль-Аман, первый дом по левую руку, если идти от моста. Если будете там – зайдите нас навестить. Спросите Ахмади-саиба, его там все знают.

Амир кланяется, прижав правую ладонь к сердцу. Сколько времени прошло с тех пор, как с ним не говорили как с равным, как с человеком уважаемым? Когда последний раз кто-то звал его в гости? Амиру вдруг становится нестерпимо стыдно свой всклокоченной бороды и грязной рубахи с дырой на подоле – никому из домашних он не давал притрагиваться к своей одежде. Он не может посмотреть на

себя со стороны, не то увидел бы седого человека, постаревшего в сорок лет, хмурого, с морщинистым лицом и ярким, почти девичьим румянцем на щеках.

- Нам пора, – говорит женщина. – Будьте счастливы, храни вас бог.

Она поднимает на руки смеющегося ребенка и идет, не оглядываясь, по аллее к выходу – высокая, стройная, с прямой спиной, – и мальчик машет Амиру через плечо матери, пока оба они не растворяются в жарком мареве пешаварского полдня. Амир садится на скамейку и оглядывается вокруг, смотрит на деревья, на вытопанную и сожженную солнцем траву, на воркующих под деревьями голубей и думает: пусть она и ее сын доберутся до Кабула благополучно. Что за слово – Кабул! Катается на языке, словно холодный гладкий камешек, и перед глазами встают горы, небо глубже глубокого и сады в цвету.

...А что, если мы умираем еще при жизни, а потом рождаемся снова? Птицы меняют перья, а змея – кожу, разве люди не могут меняться так же? Поистине мир, сотворенный Аллахом, удивителен и очень велик, в нем еще и не такое бывает. Где-то там, за горами, есть Джелалабад, Кабул, Герат, за ними Иран и Турция, и где-то там еще и Париж. Может, Аллах послал эту женщину напомнить Амиру об этом? Может быть, когда-нибудь можно будет увидеть могилу Антуана? Когда Амир закончит его портрет, он нарисует этого веселого мальчика в сером костюме, а потом, может быть, и его мать... если снова встретит ее в Кабуле, конечно.

С минаретов мечети Мохаббат-Хан звучит призыв к полуденной молитве – оказывается, она была очень близко, эта мечеть. Амир идет на звук и думает, что после этого нужно купить еще простых карандашей. Те, что у него были, совсем сточились.

